

После того как слава Чэн Яня прогремела на всю академию, репутация юноши в глазах окружающих полностью преобразилась. Его эссе, так и не ставшее достоянием общественности, благодаря завесе тайны превратилось в настоящую легенду.

Никто не знал наверняка, действительно ли директор поместил эту работу в свою личную коллекцию, вставив в драгоценную раму. Однако Чу Ван понимал: вряд ли директору пришлось по душе столь вольные рассуждения. Теперь ему стало ясно, почему, несмотря на почетное второе место, учитель Даоцин при виде Чэн Яня по-прежнему кривился так, словно у него внезапно разболелись зубы.

Вслед за экзаменами в Битань пришла изнуряющая летняя жара. В академии приближались каникулы — через полмесяца учеников должны были распустить на целый месяц. В это время в сердцах юношей обычно воцарялось смятение: мысли были заняты лишь предстоящим отдыхом.

Впрочем, благодаря оглушительному и почти скандальному успеху Чэн Яня, позор Мэн Чэньхуэя обсуждали не так долго, как можно было ожидать. Тем не менее перемены в его жизни были разительны: если раньше перед ним заискивали и всячески угождали, то теперь соученики старались его попросту не замечать.

Что же касается Чэн Цзиня, то, хоть он и провалился с треском, среди восьмидесяти учеников всегда находились те, чей результат оставлял желать лучшего. Он не слишком выделялся на фоне других неудачников, а потому и лишнего внимания не привлекал.

Наставники в эти дни особенно рьяно следили за дисциплиной, пытаясь утихомирить легкомысленные настроения. Учитель Даоцин, чьим главным объектом наблюдения всегда оставался Чэн Янь, с удивлением отметил, что тот стал вести себя чуточку прилежнее — по крайней мере, на уроках он прилежно перелистывал свитки.

Поскольку юноша больше не скрывал своего таланта, Чу Вану больше не нужно было выполнять за него задания или корпеть над тем, чтобы подделать его «почерк куриной лапы».

Даоцин уже готов был облегченно вздохнуть, надеясь, что в следующем году на провинциальных экзаменах ученики из Битани покажут достойный результат. Однако Чэн Янь оставался смирным всего два дня, после чего в академии прогремел очередной взрыв.

Точнее говоря, «взрывное устройство» заложил его отец — Чэн Цайцзюнь.

Глядя на это имя, означающее «выдающийся талант», нетрудно было догадаться, какие надежды возлагали на него когда-то старшие. Однако Чэн Цайцзюнь оказался совершенно не пригоден к наукам. Своим нынешним положением семья Чэн была обязана лишь его умению управляться с поварешкой: сначала он заработал славу искусного повара, и лишь потом шаг за

шагом поднял торговое дело в уезде Битань.

Таким образом, он был одновременно и поваром, и купцом — представителями профессий, на которые люди образованные смотрели свысока.

Не сумев проявить себя в учении, мужчина перенес все чаяния на детей. На Чэн Цзиня он возлагал великие надежды, а Чэн Яня, который наотрез отказывался открывать книги, заставил учиться, заплатив немалые деньги, чтобы того приняли в академию.

Именно поэтому перед наставниками Чэн Цайцзюнь всегда вел себя тише воды, ниже травы. Несмотря на богатство и влияние своей семьи, отсутствие образования заставляло его чувствовать себя на голову ниже любого книжника.

И вот, терзаемый страхом и трепетом, он явился к директору академии, чтобы сбросить на него свою «бомбу».

— Отчислить?! Кого отчислить? — Директор, услышав просьбу, едва не вскочил со своего кресла.

Чэн Цайцзюнь поспешно пояснил:

— Чэн Яня, Чэн Яня, моего старшего сына! Прошу меня простить, директор, мой Янь-эр доставил вам слишком много хлопот. Я долго думал и решил, что нельзя принуждать человека к тому, что ему не дано. Пусть лучше уходит из академии.

Видя, как директор побагровел от гнева, отец мысленно костерил сына последними словами. Он и представить не мог, какую чудовищную пакость совершил этот негодник, раз даже почтенный глава академии так разъярился.

Директор поднялся и подошел вплотную к посетителю. Выслушав его сбивчивые оправдания, он замер в недоумении.

— Господин Чэн, неужели вы не знаете результатов последнего экзамена?

Чэн Цайцзюнь неловко утер пот со лба.

— А разве он занял какое-то другое место, кроме последнего? Янь-эр пришел домой и сказал, что из-за этого экзамена все учителя на него страшно разгневались. Раз он не может ничему научиться, так пусть лучше уходит, чтобы не позорить семью.

Отец знал своего сына: тот ненавидел учебу и вечно изводил наставников, надеясь, что его вышвырнут за ворота. Чэн Цайцзюнь рассудил, что такие взаимные мучения ни к чему

хорошему не приведут. Говорили, что на этот экзамен приехал важный чиновник из округа Цанбэй — он опасался, что с талантом его сына наживать врагов, тот через год прославится своим дурным нравом на всю провинцию.

Лучше уж разрубить этот узел сейчас.

К тому же Чэн Янь в последнее время неплохо справлялся с делами в ресторации. Чэн Цайцзюнь думал: пусть младший сын учится на чиновника, а старшему и без грамоты будет чем заняться — семейное дело он унаследует без труда. Зачем же тогда продолжать злить людей в академии?

Будучи сам человеком далеким от наук, мужчина испытывал перед наставниками суеверное почтение. Заметив хмурый взгляд директора, он совсем упал духом и дрожащим голосом спросил:

— Господин, неужели... неужели мой непутевый сын снова что-то натворил?

Директор глубоко вздохнул:

— Он правда сказал, что разгневал учителей своим экзаменом?

Чэн Цайцзюнь в растерянности моргнул:

— Да, именно так. Неужели он соврал?

Директор снова вдохнул побольше воздуха и скрипнул зубами:

— В каком-то смысле... он не далек от истины.

Собеседник, решив, что дело в деньгах, поспешил добавить:

— Мой младший сын останется здесь, так что не беспокойтесь — помощь академии от нашей семьи не прекратится!

Но директора заботило вовсе не это. Пытаясь сохранять спокойствие, он распорядился:

— Позовите наставника Даоцина и Чэн Яня.

Поскольку их вызвали прямо посреди урока, учителю Даоцину пришлось поручить Чу Вану руководить чтением канонов, пока он сам не вернется.

Ученики тут же зашептались, гадая, зачем директору понадобился этот повеса. Они осаждали старосту вопросами, пытаясь выведать правду. Раздраженный шумом, юноша встал, с силой хлопнул указкой наставника по столу и обвел класс ледяным взглядом:

— Тишина!

Его властный тон подействовал мгновенно — все тут же притихли.

Чэн Янь шел вслед за учителем Даоцином. Он чувствовал спиной недовольный взгляд наставника и предпочитал помалкивать. Наконец тот не выдержал первым:

— Ну и во что ты вляпался на этот раз?

Чэн Янь уже догадывался, в чем дело. Он так красочно расписал отцу свои «бесчинства» в академии, убедив его, что из-за него никто не может нормально учиться, что было бы странно, если бы Чэн Цайцзюнь не примчался забирать его домой. Однако юноша сохранил на лице выражение полнейшего недоумения:

— Ученик и сам не ведает, наставник.

Учитель Даоцин, разгадавший его притворство, лишь холодно хмыкнул. Он шел так стремительно, что его широкие рукава развевались, хотя ветра в коридоре не было и в помине. Чэн Янь, едва не получив по лицу, подумал, что у этих книжников характер — хуже не придумаешь: вспыхивают по любому поводу.

Стоило им войти в кабинет, как Чэн Цайцзюнь, не давая сыну и рта раскрыть, взревел:

— Чэн Янь! А ну иди сюда! Что ты опять выкинул?!

Юноша, притворно понурив голову, подошел и нехотя поздоровался с родителем и директором.

— Да я много чего хорошего сделал за эти дни... Вот, например, объяснял товарищам смысл одного трактата...

Отец едва не лишился чувств.

— Перестань вредить людям своими объяснениями!

Учитель Даоцин поспешил вмешаться, пока дело не дошло до рукоприкладства:

— Так в чем же дело?

Директор тяжело вздохнул. Он понимал, что Чэн Янь — парень с характером, и это решение наверняка было принято с его подачи.

— Чэн Янь, ты действительно решил уйти из академии?

На этот раз настала очередь учителя Даоцина изумленно хлопать глазами.

— Уйти? — переспросил он, нахмурившись.

Чэн Цайцзюнь закивал:

— Именно так. Мой сын доставил вам слишком много хлопот, мне стыдно перед почтенными наставниками. Пусть лучше возвращается домой.

Чэн Янь подтвердил:

— Да, я тоже так считаю.

У наставника Даоцина перехватило дыхание. Директор же, уже успевший прийти в себя, обратился к отцу:

— Господин Чэн, вы знаете, какое место занял ваш сын? — И, не дожидаясь ответа про «последнее место», добавил: — Он второй в списке.

— Второй с конца? — проявил проницательность Чэн Цайцзюнь. — Ну, всё же прогресс!

Присутствующие лишились дара речи. Чэн Янь подумал: «Отец знает меня как никто другой. Он трезво оценивает способности своего отпрыска».

Директору понадобилось добрых четверть часа, чтобы убедить мужчину: его непутевый первенец занял второе место в списке лучших, а вовсе не худших. Тот то и дело переспрашивал, не перепутали ли Чэн Яня с Чэн Цзином и не списал ли его сын ответы.

Лишь когда директор рассказал о блестящем экспромте Чэн Яня перед всей школой и показал его экзаменационный свиток, сомнения отца развеялись. Чэн Цайцзюнь, конечно, ничего не понял в написанном, но верил, что наставники не станут разыгрывать с ним столь жестокую шутку.

Развернувшись к сыну, он вне себя от ярости закричал:

— Чэн Янь! Ты же вчера говорил совсем другое! Сказал, что все учителя в ярости, и даже чиновник из округа Цанбэй на тебя рассержен!

Учитель Даоцин вставил веское слово:

— В сущности, он не солгал...

То, что он занял второе место и при этом довел экзаменаторов до белого каления, вовсе не противоречило друг другу.

Чэн Янь, уворачиваясь от отцовской руки, возразил:

— Я и не врал! Ты сам не спросил, какой я по счету, и сразу решил, что последний!

Чэн Цайцзюнь замер в неловкости. Он вовремя вспомнил, что они не дома и бить взрослого сына при свидетелях — дело неподобающее. Опустив руку, он гневно тряхнул рукавами:

— Раз ты так складно пишешь, почему раньше валял дурака? Каждое испытание проваливал и даже врал, что грамоты не знаешь!

— Быть гением — слишком утомительно, — невинно ответил Чэн Янь. — Цзинь-эр и так посредственность, а вы его с десяти лет за книги гнали. Если бы я открылся раньше, вы бы мне и вовсе продыху не давали, заставляя корпеть над свитками день и ночь?

Отец вытаращил глаза:

— Выходит, я еще и виноват?!

— Ни в коем случае, — быстро вставил Чэн Янь. — Виноват я. Моя душа не лежит к учебе, я лишь хочу унаследовать ваше дело.

После всего этого шума Чэн Цайцзюнь, внезапно обнаруживший, что его сын — скрытый талант, пребывал в смятении. Он пришел забирать документы и даже принес наставникам щедрые дары, но теперь ему вовсе не хотелось уводить «гения» из академии. Однако старые привычки брали верх, и он привычно рявкнул:

— Думаешь, обманывать отца — это весело?! Раз доставил людям столько хлопот, так возвращайся в класс и учись как следует!

Чэн Янь покачал головой:

— Я не шучу. Я действительно хочу уйти.

В его словах не было ни насмешки, ни баловства — он выглядел пугающе серьезным.

— Ты... это всерьез? — опешил отец.

Директор не ожидал такой твердости, но, поразмыслив, вспомнил слова наставника Линя: Чэн Янь не рожден для чиновничьей службы. К тому же, с таким строптивым нравом он мог написать на государственном экзамене нечто столь вопиющее, что под ударом оказалась бы вся академия.

Видимо, учитель Даоцин подумал о том же, потому что больше не возражал. Он лишь утешил Чэн Цайцзюня, заметив, что с таким наследником ресторация Чэн наверняка процветет.

Тот, всегда уважавший людей образованных, спорить не стал. Его мучил лишь один вопрос:

— Ты столько времени скрывался, почему же сейчас решил открыться?

— Раньше я сдавал пустые листы, — пожал плечами Чэн Янь. — А на этот раз захотел проверить, на что способен. Случайно вышло, что стал вторым.

Стоило ему это произнести, как все услышали, с каким хрустом сжались кулаки наставника Даоцина. Учитель и любил, и ненавидел этого несносного ученика одновременно. «Пусть уходит, — подумал он. — По крайней мере, мои глаза больше не будут его видеть, и я перестану каждый день злиться из-за его выходов».

В тот же день Чэн Янь собрал вещи и покинул академию, оставив соучеников с разинутыми ртами. Кто-то даже в сердцах воскликнул:

— Если даже такой талант, как Чэн Янь, пасует перед трудностями учения, то нам-то, тупицам, на что надеяться?

Разгневанный учитель Даоцин велел этим малодушным переписать сегодняшний урок трижды.

Чу Ван был потрясен не меньше остальных. Несмотря на то, что в последние дни Чэн Янь вел себя необычно прилежно, юноша и представить не мог, что тот уйдет так внезапно, даже не предупредив его.

Он шел вслед за другом к воротам академии. Формально он представлял весь класс, провожая

уходящего товарища, но никаких прощальных подарков не было. Чэн Янь просто нес на спине свою корзину, словно возвращался домой после обычного учебного дня.

Заметив плотно сжатые губы Чу Вана и его напряженное лицо, юноша поддразнил его:

— Ты злишься?

Тот посмотрел на него, не скрывая обиды:

— А разве нет? — Он отвернулся, пряча расстройство. — Я знаю, тебе здесь не нравилось, но мог бы хоть словом обмолвиться...

Чэн Янь улыбнулся и, быстро оглядевшись, ущипнул его за щеку.

— Ну-ну, не грусти. Я скоро вернусь.

Чу Ван замер, не понимая, что значат эти слова. Но уже на следующий день все стало ясно. И учитель Даоцин тоже понял: «глаза не видят — душа спокойна» — это не про Чэн Яня.

— Чэн Янь! Ты же вчера собрал свои пожитки и ушел! — взревел учитель Даоцин, завидев его у дверей класса.

Тот лишь весело осклабился:

— Наставник, я к Чу Вану. Вам пора заканчивать, вы уже на четверть часа затянули урок.

Наставник лишился дара речи от такой наглости.

Чу Ван же почувствовал скорее изумление, чем радость.

— Ты... зачем ты здесь?

Чэн Янь поднял корзину с едой:

— Пришел пообедать с тобой.

Учитель Даоцин был готов изрыгать пламя:

— Ты больше не ученик! Как тебя вообще впустили за ворота?!

— Наставник, как говорится, были бы деньги, а способ найдется. Пройти через ворота академии — задача не из сложных.

Учитель в ярости покинул класс. С того дня он больше ни разу не затягивал последний перед обедом урок.

Чэн Янь за руку увел Чу Вана на тот самый холм, где они перекусывали во время экзаменов. Лишь добравшись до места, юноша пришел в себя.

— Как ты здесь оказался?

— Принес тебе обед, — невозмутимо отозвался Чэн Янь.

Чу Ван не знал, что и сказать. То, что ему казалось немыслимым, для его друга было лишь пустяком, который легко решался привычным ему способом.

Чэн Янь весело хлопотал, расставляя блюда.

— Устал за утро?

Чу Ван покачал головой и улыбнулся:

— Наставник сказал, что без тебя в классе стало слишком тихо.

— Опять наговаривает, — фыркнул юноша. — Я обычно спал на уроках, кому я мог мешать?

Собеседник бросил на него быстрый взгляд, но тут же забыл обо всем, замороженный ароматами еды.

— Давай, ешь, пока горячее, — Чэн Янь всунул ему в руку чашку с рисом.

— Ты что, привез это из города?

Тот кивнул как ни в чем не бывало:

— Ну да. Давай, налегай на рыбу.

Чу Ван пробовал одно блюдо за другим. Он ел не спеша, а Чэн Янь терпеливо ждал, пока тот оценит его старания.

— Ну как? Вкусно?

«Вкусно» — не то слово. Юноша закивал, не в силах оторваться.

Улыбка Чэн Яня стала еще шире. Он явно испытал облегчение:

— Боялся, что тебе не понравится. Ну, ешь больше, впереди еще занятия.

Чу Ван, почувствовав настоящий голод, ускорил темп. Но на полпути он замер: вкус еды показался ему странно знакомым. Паровой окунь, свинина в соусе, обжаренные потрошка — он никогда не заказывал таких дорогих блюд, но точно знал этот почерк.

Чэн Янь тем временем достал из корзины бамбуковую трубку.

— Здесь суп с ребрышками. У меня только одна порция, так что будем пить вместе. — Его сияющие глаза выдавали его с головой.

Чу Ван замер, и тут его осенило.

— Скажи... — начал он с надеждой, — повар, который готовил это, и тот, что готовил в день экзамена — это один и тот же человек?

Юноша замер с чашкой в руках. Он посмотрел на взволнованного Чу Вана и тихо рассмеялся:

— А у тебя действительно чуткий вкус.

Тот не мог описать этот вкус, но с каждой секундой он убеждался в своей правоте. Ответ Чэн Яня подтвердил его догадку. Но тут же возник новый вопрос.

— Но в день экзамена еду готовили на кухне академии... А сегодня ты привез ее из города... Погоди... — Юноша вытаращил глаза. — Это... это всё приготовил ты?!

Чэн Янь лишь кротко кивнул.

В душе Чу Вана поднялась буря. Он и представить не мог, что ради него мужчина станет возиться у плиты. Для Чэн Яня же это было само собой разумеющимся — он и не думал хвастаться, если бы друг сам не догадался.

Тот сокрушался лишь о том, что вечером будет слишком занят и не сможет привезти ужин.

— Обязательно поешь вечером, не вздумай экономить. Я велел за тобой приглядывать, так что не надейся схитрить.

Чу Ван почувствовал, как в носу подозрительно защипало. Он быстро отвернулся, глубоко вздохнул, пытаясь справиться с нахлынувшими чувствами, и тихо ответил:

— Хорошо.

Чэн Янь поймал его за руку. Хрупкое запястье легко умещалось в его ладони. «Слишком худой, — подумал он, вспоминая мягкую ладонь маленького цзюньвана. — Буду проверять тебя регулярно. Тебе нужно набрать вес».

Чу Ван хотел высвободиться, но Чэн Янь держал крепко. Краснея до корней волос, юноша пробормотал:

— Я... я постараюсь.

Ему хотелось сказать так много, но слова застревали в горле. В конце концов он выдавил:

— Чэн Янь, когда я добьюсь успеха на экзаменах, я тебя ни за что не забуду.

Тот лишь улыбнулся. Эта фраза слишком напоминала клятвы бедных студентов из книжек, которые, разбогатев, бросают своих верных жен. Но он лишь кивнул:

— Хорошо, я буду ждать.

Чэн Янь и впрямь был очень занят. С позором Мэн Чэньхуэя его влияние в академии сошло на нет, а Чэн Цзинь сейчас был слишком занят своими долгами, чтобы строить козни Чу Вану.

Именно поэтому Чэн Янь решил уйти, ограничиваясь лишь ежедневными визитами к другу. Чу Ван любил учиться, и юноша не хотел ему мешать, решив изменить лишь условия его жизни.

К тому же после экзаменов Чу Вана вызвал наставник Линь. Он явно проникся к юноше симпатией и пригласил его навестить свой дом в округе Цанбэй во время провинциальных испытаний. Репутация Чу Вана взлетела до небес, и учителя стали проявлять к нему особую заботу.

Наконец Чэн Янь смог вплотную заняться делами. Но вопреки надеждам отца, он не собирался

просто управлять рестораном. Его заинтересовали торговые караваны, и он всерьез увлекся идеей дальней торговли.

Чэн Цайцзюнь, опасаясь, что сын однажды просто исчезнет, отправившись странствовать с купцами, буквально не спускал с него глаз.

Чэн Янь лишь посмеивался:

— Отец, я лишь считаю, что везти товары в другие края — дело куда более прибыльное. Если наладить свои караваны или создать торговые узлы в ключевых местах, выгода будет огромной.

В это время процветал культ образования, но коммерция уже начала зарождаться как самостоятельная сила. Хотя купцов и не считали людьми высшего круга, они уже не были париями. Для Чэн Яня этот формирующийся рынок открывал безбрежные возможности.

Слушая рассуждения сына, отец и сам воодушевился. Будучи дельцом со стажем, он видел зерно истины в этих словах, но тут же заметил:

— Битань вовсе не торговый узел. Здесь мало кто проезжает.

— Конечно, я и не собираюсь ограничиваться нашим уездом.

Чэн Цайцзюнь вскинулся:

— Ты всё-таки хочешь сбежать из дома!

— Ну какой же это побег? Неужели вы хотите, чтобы ваш талантливый сын прозябал в захолустье, вместо того чтобы развернуться по-настоящему?

Отец промолчал, лишь махнул рукой, признавая, что сын уже вырос и сам знает, что делать.

Но кроме дел торговых, у Чэн Яня была еще одна, куда более важная забота: поправить собственное здоровье. Точнее, здоровье этого тела. Проблема «мужского бессилия» досталась ему от прежнего владельца, и мириться с этим он не собирался!

Прежний лекарь, которого нанимал отец, лишь пичкал парня согревающими снадобьями, отчего внутренний жар только рос, губя почки. Изучив неразборчивые рецепты, Чэн Янь впал в уныние, но вскоре взял дело в свои руки. Он отобрал в кладовой лучшие коренья и начал сам готовить отвары.

Благодаря упражнениям его тело стало крепче, и лечение шло быстрее. Но стоило Чэн Яню

забрать дорогие лекарства, как наложница Хуа тут же донесла об этом Чэн Цайцзюню. Тот в мгновение ока оказался в покоях сына.

— Ты что, снова взялся за старое? Решил лечиться у того «кудесника»?

Для непосвященных все рецепты выглядят одинаково. Чэн Янь потратил два часа, чтобы сварить густое, пахучее снадобье, от одного запаха которого мутило. Обладать телом — дело непростое: приходится делить с ним и радости, и горести, и горечь лекарств.

— Да, отец, — со вздохом ответил он.

Чэн Цайцзюнь подозрительно сощурился:

— Раньше тебя было не заставить пить эту гадость. С чего вдруг такой пыл?

— Как говорится, чтобы сделать работу хорошо, нужно сначала наточить инструменты, — Чэн Янь зажмурился и залпом осушил чашу.

Пока он торопливо заедал горечь медом, отец внезапно прозрел:

— Ты что, опять в публичные дома собрался?!

Сын состроил обиженную мину:

— Отец, я лишь готовлюсь заранее, чтобы в решающий миг клинок не подвел.

— Опять ты за свое! — рявкнул Чэн Цайцзюнь.

А Чэн Янь чувствовал себя глубоко несчастным: он ведь сказал чистую правду!

Две недели пролетели незаметно, и в академии наступила пора летних каникул. Для многих учеников это было последнее спокойное лето перед осенними экзаменами следующего года, когда им придется корпеть над книгами.

Чу Ван собирался вернуться в родную деревню. Путь туда лежал неблизкий — за гору, по разбитым дорогам. Обычно он нанимал телегу, запряженную волом, и из-за дороговизны и долгой дороги почти не бывал дома. Теперь же он не видел родных уже несколько месяцев.

Зная о его положении, Чэн Янь не стал удерживать друга. К тому же его дела шли в гору, требуя всё больше внимания. Если бы Чу Ван остался рядом, юноша наверняка не смог бы сосредоточиться на работе.

Они договорились встретиться после каникул. Вестей из деревни ждать не приходилось, так что оставалось только набраться терпения.

В последний день Чэн Янь лишь следил, чтобы Чу Ван как следует поел — в академии не было места для нежностей, так что всё ограничилось лишь тем, что он пару раз сжимал руку Чу Вана.

Чу Ван заранее договорился с возницей, собиравшимся в ту сторону. Плата составила сто медных монет — сумма немалая, но Чэн Янь в последнее время под разными предлогами снабжал его деньгами, умоляя не экономить на себе. Спорить с ним было бесполезно, и Чу Ван лишь молча копил в сердце обещание: «Когда я добьюсь успеха, я тебя не забуду».

Юноша лично провожал его. Пользуясь своим положением, он набрал для друга целую корзину яиц, жирную курицу, несколько фунтов свинины и пару вяленых рыбин. Чэн Янь понимал, как бедно живет семья Чу, и хотел, чтобы у них хотя бы не было нужды в еде.

Чу Ван и сам умел готовить, так что продукты не пропали бы зря. Чэн Янь хотел было дать ему и более изысканных яств, но побоялся, что это привлечет ненужное внимание, и ограничился самым необходимым.

И всё же другие пассажиры телеги косились на них с завистью.

— Неужто это сынок вдовы из западной части деревни? — проскрипела какая-то неопрятная женщина с острым лицом. — Гляди-ка, как разжился, сколько добра домой везет!

Чэн Янь тем временем помогал Чу Вану закрепить корзину. Юноша, услышав голос, поднял голову и узнал односельчанку.

— А, это вы, тетушка. Тоже были в городе за покупками?

Женщина ехидно хмыкнула:

— Куда мне до тебя. С таким размахом возвращаешься, словно важный господин.

В её словах так и сквозила желчь. Чу Ван не удостоил её ответом, обратившись к другу:

— Тебе помочь?

Тот, вытирая пот со лба, ответил:

— Нет, я сам!

Для удобства он был в простой одежде с засученными рукавами — в таком виде в нем трудно было узнать богатого наследника. Чу Ван достал платок, желая промокнуть ему лоб, но Чэн Янь перехватил его руку и улыбнулся:

— Я сам справлюсь. Слушай, когда приедешь, будь осторожнее. Если будет тяжело нести — попроси кого-нибудь или сходи дважды.

— Хорошо, я понял, — послушно кивнул Чу Ван.

Тетушка из деревни, видя, что на неё не обращают внимания, не унималась:

— Поглядите-ка, наш книжник совсем важным стал, даже слугу себе завел.

Тот замер, бросил на неё ледяной взгляд и чеканно произнес:

— Это не слуга. Это мой друг.

От его холодного тона женщина невольно поежилась и замолчала.

Чэн Янь не обратил на неё внимания, лишь тихо шепнул товарищу:

— Будь осторожнее в пути. И если вдруг на еду кто позарится — отдай, не спорь. Безопасность важнее этих копеек.

Чу Ван посмотрел на него со сложным чувством, но кивнул. Для Чэн Яня курица и рыба и впрямь были пустяком.

Уже собираясь сесть в телегу, юноша внезапно вспомнил кое-что важное и окликнул друга.

— Погоди!

Чэн Янь обернулся:

— Что такое?

Чу Ван подошел вплотную и понизил голос:

— Забыл сказать... Вчера перед самыми каникулами в академии случилось нечто из ряда вон выходящее.

— И что же? — Чэн Янь нахмурился, ожидая новых козней.

— Твоего второго брата поймали в библиотеке. Он пытался украсть книги.

Юноша опешил. Значит, судьба всё же настигла виновного? В той, изначальной истории, эта подлость была делом рук Чэн Яня или Сян Аня, а Чу Ван стал лишь невольной жертвой.

— Рассказывай подробнее.

Чу Ван вздохнул:

— Чэн Цзинь в последнее время сам не свой. Еще перед экзаменами он стал рассеянным, а в последние дни и вовсе перестал выполнять задания. Говорят, вчера учитель Даоцин обнаружил пропажу ключей от библиотеки. Устроили засаду и поймали твоего брата с поличным.

— Он спрятал под одеждой пять древних свитков. Редчайшие экземпляры! Под допросом он во всем признался: сказал, что нашел покупателя и хотел их продать. Учителя в ярости. Скорее всего, его отчислят из академии.

Юноша покачал головой:

— Зачем ему это? Ваша семья ведь богата. Красть бесценные книги ради денег... Академия такого не прощает.

Чэн Янь уже догадывался о причинах.

— Видимо, у него были долги, о которых он побоялся сказать отцу. Решил добыть денег легким путем, да только на кривую дорожку ступил. Что ж, отец еще ничего не знает, я сам во всем разберусь.

Чу Ван кивнул и добавил:

— Если узнаешь, где он — заведи его домой. — Он не знал подробностей, но чувствовал, что Чэн Цзинь попал в беду. Хоть они и не были близки, юноша беспокоился о нем только потому, что тот был братом его друга.

Но Чэн Янь тут же помрачнел:

— Ты уезжаешь, а говоришь не о нас, а о каком-то проходимце. Мне обидно.

Чу Ван мягко посмотрел на него и прошептал:

— Не грусти. Я скоро вернусь.

<http://bllate.org/book/15870/1443711>